

Русская акция помощи в женской переписке (на основе документов Государственного архива Российской Федерации)

Надежда Александровна РОДИОНОВА (Москва)

Обильная и содержательная переписка была одной из традиций русской интеллигенции, сохранившаяся и в XX веке. В эмиграции в условиях разобщенности роль переписки возросла как фактор общения, как фактор объединения культурного и образовательного пространства. Вдали от России особенно остро ощущалась потребность обсудить новости, трудности эмигрантского быта, поделиться надеждами и опасениями. Женская переписка почти не содержит упоминаний о фактах общественно-исторической значимости, принадлежащих событийной истории, чаще это описания повседневных реалий и личных переживаний. Женские письма дают сиюминутные оценки и позволяют ощутить время, в этом смысле они неоценимы для адекватного понимания и объективного представления об эмигрантской повседневности, о том, каковы были модели поведения эмигрантов в процессе жизнеобеспечения, какие факторы мешали, а какие способствовали адаптации. Письма женщин, обосновавшихся в Чехословакии, эмоционально и предельно искренне фиксируют трудности эмигрантского быта и значение помощи братского народа для выживания на чужбине.

Чехословакия отличалась глубоким традиционным чувством симпатии к русскому народу. В молодом демократическом государстве сложились благоприятные условия для русских беженцев. Концепция Русской акции помощи — систематической финансовой помощи русским вне России — сформулированная МИД ЧСР в мае 1920 г., стала проявлением интернационализма лидеров Чехословацкой Республики. Благодаря помощи братского народа не менее 20 тыс. русских эмигрантов (среди них 3245 студентов на чехословацком иждивении и 147 ученых и профессоров) нашли свой новый дом в тогдашней Чехословакии¹. Президент Чехословацкой Республики Томаш Гарриг Масарик, лидер партии Национальной демократии в парламенте Карел Крамарж, женатый на русской Надежде Николаевне Абрикосовой, заместитель министра иностранных дел Чехословацкой Республики Вацлав Гирса — это люди, явившиеся инициаторами проведения Русской акции помощи. Именно им русские беженцы обязаны грандиозными масштабами оказываемой помощи, оказавшейся даже больше ожидаемой эмигрантами, положение которых в Чехословацкой Республике было несравнимо лучшим, чем в других странах, особенно в 1920-е годы: «После того, что мы все прошли, и после полнейшего равнодушия западных держав к трагедии нашей Добровольческой армии, мы были буквально потрясены размерами и характером помощи, которую нам оказали чехи на первых порах нашего пребывания на западе.»²

Если западноевропейские государства намечали решение беженской проблемы за счет репатриации или денационализации (ассимиляции), то чехословацкие правящие круги нашли третий путь, наиболее приемлемый для менталитета большинства беженцев. Гуманитарную помощь руководство страны сочло выгодным помещением политического капитала.

К 1924 г. сумма ежегодных расходов Чехословацкого правительства на Русскую акцию помощи достигла 7 млн чехословацких крон, превышая расходы на беженцев из России всех европейских

¹ Иван Петрович САВИЦКИЙ, «Начало “Русской акции”», *Новый журнал*, 2008, № 251, с. 177—178.

² Федор Георгиевич СКВОРЦОВ, «Воспоминания». — цит. по: <http://voldrozd.narod.ru/bio/skvor/skvor.html>

т : **адств** вместе взятых³. При этом следует учитывать, что по количеству российских беженцев Чехословакия занимала всего лишь 11 место в списке из 20 стран⁴.

Молодая Чехословацкая Республика была единственной страной в мире, которая целеустремленно и последовательно формировала «свою» эмиграцию. Прага должна была стать «центром прогрессивных русских». Под ними подразумевались, прежде всего, эсеры, самые верные союзники чехов в Сибири⁵.

Не ограничиваясь фильтрованием самостоятельно устремляющихся в Чехословакию беженцев, Чехословацкое правительство само активно содействовало переселению в свою страну высококвалифицированных специалистов или тех, кто оказал особые услуги молодому демократическому государству. Приглашенные в Чехословакию составляли не менее четвертой части всей русской колонии⁶.

Среди таких приглашенных был генерал Алексей Алексеевич Брусилов, командовавший Юго-Западным фронтом русской армии в военной операции против Австро-Венгрии летом 1916 и вошедшей в историю военного искусства как Брусиловский прорыв, ускоривший распад Австро-Венгрии и достижение Чехословакией суверенитета. Приглашение А. А. Брусилова со стороны президента Чехословацкой Республики Т. Г. Масарика было актом благодарности России за помощь, без которой чехословацкая независимость не была бы достигнута.

В 1925 г. А. А. Брусилову с супругой был разрешен выезд из страны для лечения в Чехословакию под честное слово с обещанием вернуться на родину. Супружеская чета провела 7 недель в Карловых Варах. Президент Чехословакии Т. Г. Масарик организовал им торжественный прием и в знак благодарности предложил супружеской чете остаться в Чехословакии с пожизненным пенсионным обеспечением. 100 тыс. крон, подаренные Т. Г. Масариком, пошли на проживание и лечение в Карлсбаде, однако от предложения эмигрировать А. А. Брусилов отказался. А. А. Брусилов считал, что должен разделить судьбу своего народа. Жизнь вне родины он себе не представлял: «Когда мать больна, ее не бросают. Мы все переживаем тяжелую болезнь вместе с Родной — матерью нашей. [...] Не в первый раз Россия переживает большие потрясения, и я глубоко верю, что ее ждет великое будущее.»⁷ Надежда Владимировна Брусилова разделяла позицию мужа и осуждала тех, кто «спасая бриллианты и свою шкуру, сбежал за границу»⁸.

В ноябре 1926 г. после смерти генерала Т. Г. Масарика, выражая соболезнование его вдове, велел Н. В. Брусиловой через подставное лицо 10 тыс. крон⁹.

После смерти мужа Н. В. Брусилова выезжала в Чехословакию дважды: в июне 1927 г. (оставалась там до мая 1928 г.) и в 1930 г., когда было окончательно принято решение на родине не возвращаться. Официальной целью поездок в заявлениях на выезд из страны было указание на лечение. Возможно, уезжая в Чехословакию в 1927 г., Н. В. Брусилова и тогда не исключала возможности там остаться: в чемодане с двойным дном ею был вывезен весь архив мужа, продавались вещи; в письмах той поры к советскому партийному руководству Н. В. Брусилова настойчиво подчеркивала, что многочисленные племянники и племянницы покойного мужа совершенно чужие для нее люди, пытаясь такого рода дистанцированием обезопасить их дальнейшее существование в СССР¹⁰.

³ Елена Павловна СЕРАПИОНОВА, «Т. Г. Масарик и “Русская акция”» // *Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920—1950-е годы*, Москва: Институт славяноведения РАН 1999, с. 1

⁴ Вадим Викторович РУДНЕВ, «Финансовое положение и перспективы беженской школы», *Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей*, 1925, № 9, с. 26.

⁵ И. П. САВИЦКИЙ, «Начало “Русской акции”», с. 137.

⁶ Там же, с. 132.

⁷ Алексей Алексеевич БРУСИЛОВ, «Мои воспоминания», *Военно-исторический журнал*, 1991, № 2, с. 38.

⁸ Рукопись Н. В. Брусиловой «Назидательные примеры и факты из московской жизни. 1925—1927 гг.». Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 5972, оп. 1, д. 24, л. 7 об.

⁹ Алексей Алексеевич БРУСИЛОВ, «Мои воспоминания» // *Военные архивы России*, Вып. 1, Москва 1993, с. 395.

¹⁰ Надежда Владимировна Брусилова, «Воспоминания. Записки. Впечатления». ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 22-б, л. 9.

Разрешение было дано на три месяца, но пребывание за границей затянулось почти на год. Оставшиеся в заложниках родственники умоляли вернуться: им недвусмысленно дали понять, что их пребывание на свободе зависит от возвращения Н. В. Брусиловой. Несмотря на возможный арест по возвращении, страх за участь оставшихся в заложниках в России родных и близких заставил ее вернуться.

В 1930 г. вопрос о выезде Н. В. Брусиловой и ее сестры Елены Владимировны Желиховской для лечения за границу решался на самом высоком уровне. Настойчивое желание выехать из страны было обусловлено не только состоянием здоровья уже немолодых женщин, сколько резким неприятием большевистского режима и теми моральными и физическими страданиями, которые они испытывали. Благодаря поддержке Авеля Енукидзе¹¹ разрешение на трехмесячный курс лечения в Карловых Варах с большим трудом было получено. По истечении трехмесячного срока Н. В. Брусилова выбрала «невозвращенчество», хотя это решение далось ей, патриотке и православной христианке, нелегко. Правительство Чехословакии, учитывая вклад генерала Брусилова в дело восстановления государственности страны, назначило ей пенсию.

«Живем здесь на чешскую пенсию и помощь от Крейна, и я могу помогать родным и друзьям, целиком отдавая им мою московскую пенсию»¹², — записывает она в дневнике. Известно, что Брусилова посылала родственникам — «лишенцам» (лишенным избирательных прав, а следовательно, и продуктовых карточек) из Чехословакии продуктовые посылки и предметы первой необходимости (сахарный песок, сало, чулки)¹³. Она с благодарностью отмечает, что «если бы не чехи, мы не смогли бы прожить»¹⁴. «Живу и жила на то, что получала от частных друзей и Чехословацкого правительства.» Причину подобной щедрости она объясняет заслугами ее мужа: «Этот народ находит моего генерала Брусилова одним из создателей их свободной республики, благодаря тому, что он разбил наголову их многолетних владык австро-венгров»¹⁵. Она считает, что вся эмиграция, подвергнувшая генерала Брусилова остракизму за его переход на службу в Красную армию, в долгу перед ним: «Если бы генерал Брусилов не разгромил Австро-Венгрию — не воскресла бы Чехословакия, то кто бы поддерживал все эти годы эмигрантов?» Она воспроизводит сложившееся в эмиграции устойчивое убеждение в том, что Русская акция помощи осуществляется за счет русского золотого запаса: «Кто бы вывез из Сибири, как говорят, весь золотой запас, или часть его? Лучше чехи, чем большевики.»¹⁶

Н. В. Брусилова мечтала умереть на родине. В дневнике она записала текст ее молитвенного обращения к Богу: «Господи! Молю тебя, спаси и помилуй, чтобы не умереть мне среди чужих людей на чужбине. Поддержи сестру в таком горьком случае. Не дай ей ослабеть духом и помоги вернуться к своим.»¹⁷ В 1934—1938 гг. Н. В. Брусилова из фонда президента Чехословакии получала пенсию в сумме 2300 крон ежемесячно. После смерти Н. В. Брусиловой пенсия в сумме 1000 крон ежемесячно переводилась ее сестре Е. В. Желиховской¹⁸. Умерла Н. В. Брусилова в Праге, была похоронена на Ольшанском кладбище.

Русская акция помощи распространялась главным образом на научную, культурную и творческую интеллигенцию, которая по возвращении на родину (а в скорое падение большевиков в то время верили практически все) станет частью правящей элиты и в знак благодарности будет продвигать в освобожденной России интересы нового славянского государства. Писатель Евгений Николаевич Чириков, живший в Праге, в одном из писем отметил, что «в Праге интеллект не **усыхает**, по той причине, что пребывает среди концентрированной атмосферы интеллигентных людей»¹⁹.

¹¹ Авель Енукидзе — секретарь Президиума ЦИК (1922—1935), расстрелян в 1937 г.

¹² Н. В. Брусилова, «Воспоминания. Записки. Впечатления». ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 22-а, л. 183.

¹³ Письмо Н. В. Брусиловой от племянницы Ольги Борисовны Брусиловой из СССР. Там же, оп. 3, д. 73, л. 40.

¹⁴ Н. В. Брусилова, «Воспоминания. Записки. Впечатления». Там же, оп. 1, д. 22-а, л. 39.

¹⁵ Там же, л. 183.

¹⁶ Надежда Владимировна БРУСИЛОВА, «Записка вдовы генерала А. А. Брусилова», 1 августа 1936 г. *Политический человек и закон*, 1997, № 2, с. 143.

¹⁷ Н. В. Брусилова, «Воспоминания. Записки. Впечатления», ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 22-б, л. 87.

¹⁸ «Справка по материалам на А. А. Брусилова» // *Военные архивы России*, Вып. 1, с. 395.

¹⁹ *Писатели русского зарубежья (1918—1940): Справочник. В 3-х т., Т. 1, ч. 3, Москва: ИВОН 1995, с. 113.*

Жилось этим интеллигентным людям, особенно гуманитариям, довольно трудно, выжить помогала стипендия Масарика в размере от 600 до 2500 чешских крон в месяц в зависимости от стажа и семейного положения. К 1 января 1924 г. стипендии получали 94 русских ученых²⁰. Стипендия предоставлялась отнюдь не всем желающим. Посодействовать в ее получении могли близкие к президенту люди. Наиболее близок по политическим взглядам Т. Г. Масарик был с Павлом Николаевичем Милюковым (1859—1943), экс-министром иностранных дел при Временном правительстве, жившим в эмиграции в Париже и часто посещавшим Прагу для выступлений с лекциями. В перечне посетителей президента Масарика фамилия П. Н. Милюкова повторяется регулярно²¹. Эти визиты носили даже название «дни Милюкова». Однако П. Н. Милюков был настолько поглощен своей политической деятельностью, что проявлял интерес к людям лишь в той степени, в какой они принимали участие в общем деле. Многие в эмиграции знали холодность и равнодушие Милюкова к людям (его называли «каменным котом»), и за помощью составить протекцию в получении стипендии обращались к жене П. Н. Милюкова Анне Сергеевне. Евгения Карцевская, жена выдающегося лингвиста профессора Сергея Иосифовича Карцевского, рассказывая А. С. Милюковой о своем беспросветном существовании, мечтает о том, чтобы «чехи, Масарик дали бы хотя бы маленькую стипендию на несколько месяцев», чтобы Сергей Иосифович имел «возможность написать книгу о Толстом», и просит, чтобы «П. Н. при свидании с Масариком замолвил бы о нем словечко»²². Чета Карцевских проживала в Праге в 1922—1929 гг., где С. И. Карцевский, бывший член партии эсеров, проявил себя как талантливый педагог и выдающийся лингвист. Он преподавал в Русском лицее, директором которого был теоретик евразийства Петр Николаевич Савицкий, работал также в русском педагогическом институте, участвовал в создании Пражского лингвистического кружка, стал инициатором издания и членом редколлегии журнала *Русская школа за рубежом* (Прага, 1923—1931). Сферой научных интересов С. И. Карцевского было общее языкознание и грамматика русского языка. В 1929 г. Карцевские переехали из Праги в Швейцарию, где Карцевскому было обещано место заведующего кафедрой русской литературы Женевского университета. Однако назначение не состоялось, и семья профессора С. И. Карцевского бедствовала. В 1931 г. С. И. Карцевский выступал с докладом о фонологии фразы на лингвистическом съезде в Праге и надеялся положительно решить вопрос о стипендии, поскольку Масарик в рамках своей «русской политики» давал деньги на поддержку «прогрессивных русских» во всей диаспоре, не связывая ее с пребыванием в Праге²³. Чехословакия являлась единственной страной, которая предоставляла помощь российским эмигрантам и за ее пределами. Однако стипендию получить не удалось, Е. Карцевская пишет А. С. Милюковой о том, что из-за отсутствия денег С. И. Карцевский не смог вернуться в Женеву. Замученная безденежьем, она вновь обращается за поддержкой к А. С. Милюковой, считая, что ее муж «талантлив и может очень много дать науке». И хотя «несладко быть на содержании у кого бы то ни было», но она настаивает на том, что Карцевского надо поддержать: «ведь стольким менее талантливым чехи помогают²⁴, а научную ценность С. И. в Чехии знают»²⁵. Не видя другого выхода, она вновь просит заступничества Павла Николаевича, которого «уважают чехи и Масарик в особенности», — и, значит, — «заступничество П. Н. сделало бы очень много»²⁶. Неизвестно, удалось ли при посредничестве П. Н. Милюкова обеспечить стипендию С. И. Карцевскому, но известно, что дочь Карцевских Светлана, обучавшаяся живописи в Праге, стипендию получала: «Дочка живет на стипендию в 340 чешских крон — ест 1 раз в день. А я помочь не могу»²⁷, — жаловалась Е. Карцевская А. С. Милюковой.

²⁰ И. П. САВИЦКИЙ, «Начало "Русской акции"», с. 159—160.

²¹ Анастасия КОПРШИВОВА, «Т. Г. Масарик и русская эмиграция» // *Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920—1950-е годы*, Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН 1999, с. 72.

²² Письмо Евг. Карцевской к А. С. Милюковой от 23. 3. 1931. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43-а, л. 262.

²³ И. П. САВИЦКИЙ, «Начало "Русской акции"», с. 147.

²⁴ Письмо Евг. Карцевской А. С. Милюковой. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43-а, л. 199.

²⁵ Там же, л. 262.

²⁶ Там же, л. 264.

²⁷ Там же, л. 262.

Активная помощь русским беженцам продолжалась в течение пяти лет, затем, начиная с 1926 г., она постепенно сворачивается, как по экономическим, так и по политическим причинам. Прежние союзники России и тогдашние союзники Чехословакии, прежде всего Франция, отказались субсидировать хотя бы частично Русскую акцию помощи. Чехословакия же акцию такого размера финансировать не могла, она и так иногда тратила на эмигрантов больше средств из государственного бюджета, чем все прочие европейские страны, вместе взятые.²⁸

Возможное сокращение стипендий выражает обеспокоенность в письме к А. С. Милюковой Елена Ивановна Набокова. После трагической гибели мужа, попытавшегося разоружить одного из террористов, стрелявших в П. Н. Милюкова, его осиротевшая семья оказалась без средств к существованию. Вдова Е. И. Набокова (1876—1939), дочь богатейшего золотопромышленника Ивана Васильевича Рукавишника, состояние которого оценивалось в миллион рублей золотом²⁹, хозяйственными навыками не обладала, да и откуда им было взяться, если материальное благополучие, в котором она жила всю жизнь, позволяло ей не заботиться о зарабатывании денег. Вскоре после похорон она с младшими детьми переезжает в Прагу, где ей, как вдове Набокова, правительство президента Масарика дает маленькую пенсию. Е. И. Набокова писала А. С. Милюковой о своем трудном материальном положении, в письме (не датировано, предположительно 1925 г.) она пишет о мизерной «стипендии» 650 крон в месяц в рамках Русской акции помощи Масарика, которую «обещают еще сократить, а затем и совсем прекратить. Что тогда делать — не знаю. И сейчас трудно». Елена Ивановна выражает опасение, что Русская акция помощи не будет продолжена, и тогда придется коренным образом изменить свою жизнь, то есть «расстаться с квартирой и начать вести еще более нищенское существование»³⁰.

Ее опасения оправдались: размеры стипендии Чешского правительства были сокращены до 500 крон, и дочь золотопромышленника миллионера Рукавишника оказалась на грани нищеты: «Сейчас она питается на 5 крон в день, будучи больной, не пользуется даже трамваем. Дает 2—3 урока в неделю (около 10 часов) за грошовое вознаграждение. А главное — целый день думает, где бы достать денег, чтобы заткнуть то ту, то другую прореху. В начале каждого квартала думает о том, как бы избежать выселения из квартиры»³¹, — описывает Сергей Иосифович Гессен в письме А. С. Милюковой трагизм положения Е. И. Набоковой. Сокращение помощи со стороны Чехословацкого правительства усугубило и без того тяжелое положение многих эмигрантов. Александра Федоровна Родичева³², равнодушная к судьбе восьмидесятидвухлетней почти слепой («пишет, не видя то, что пишет, и совсем беспомощна») Марии Николаевне Стоюниной³³, обратилась к А. С. Милюковой с просьбой оказать ей помощь. М. Н. Стоюнина переживала трудные времена, кризис был вызван тем, что «чехи сократили пенсии без всякого предупреждения». «тем более не прислали ни за февраль, ни за март». Родичева пишет, что сокращение стипендий и задержка в их выплате больно ударило по всем эмигрантам, но все же они «не переживают это так остро, как бедная М. Н.»³⁴.

В рамках Русской акции помощи систематическая финансовая помощь предоставлялась не только прославленным ученым, но и недоучившимся из-за гражданской войны студентам.

²⁸ И. П. САВИЦКИЙ, «Начало "Русской акции"», с. 174.

²⁹ Владимир Владимирович НАБОКОВ, *Другие берега*, Москва: Книжная палата 1989, с. 31.

³⁰ Письмо Елены Ивановны Набоковой Анне Сергеевне Милюковой. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43а, л. 56—57.

³¹ Письмо Сергея Гессена А. С. Милюковой от 27. 9. 1932 г. Там же, л. 217.

³² Александра Федоровна Родичева (1883—1971) — публицист, мемуарист. В эмиграции во Франции с 1919 г. и жила в Париже. Она работала в газете *Последние новости* до 1940 г. С конца 1950-х гг. — в газете *Русская мысль*. Собрала и редактировала архив памяти отца, Федора Измайловича Родичева, депутата I, II, III, IV Государственной Думы (в *Новом журнале*, 1954, № 38) в обработке Ариадны Тырковой-Вильямс.

³³ Мария Николаевна Стоюнина — выдающийся педагог, в 1881 г. основала частную женскую гимназию в Петербурге, гимназия просуществовала до 1918 г., когда была национализирована. Мария Николаевна руководила ею до 1920 г. Осенью 1922 г. М. Н. Стоюнина покинула Россию с семьей своей дочери.

³⁴ Письмо Александры Родичевой А. С. Милюковой от 16 марта 1931 г. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43а, л. 279.

В январе 1921 г. Врангель обратился к Крамаржу с просьбой посодействовать положительному решению Чехословацкого правительства принять около 1 тыс. молодых людей (офицеров) в качестве студентов в университеты и вузы ЧСР³⁵.

В соответствии с политической ориентацией чехословацкого руководства Прага должна была стать эсеровским центром. Но инициатива организации в Праге русских высших учебных заведений и открытия чешских вузов для русских стипендиатов исходила от «правых», по отношению к эсерам, кругов. И они, во главе с правым кадетом, инженером Алексеем Степановичем Ломшаковым создали Комитет по обеспечению русских студентов в ЧСР, доведя их численность в течение двух с чем-то лет с 366 до 3245³⁶.

Чешское правительство установило 1000 стипендий (впоследствии их число было увеличено до 2000) для студентов-эмигрантов. Хотя стипендии были небольшими (300—400 чешских крон), они позволяли студентам жить в современных общежитиях и питаться в студенческих столовых.

Получить стипендию в рамках «Русской акции» считалось большой удачей. Многие из русских эмигрантов утаивали наличие высшего образования, чтобы получить стипендию Масарика. Попастъ в число родственников, получивших разрешение сопровождать стипендиатов из Константинополя в Прагу, удалось немногим. Софья Скворцова, племянница А. С. Милюковой, была одной из 50 счастливиц, которым был разрешен въезд в Чехословакию как жене одного из первых чешских стипендиатов. Жены студентов никакого содержания от правительства Чехии не получали, поэтому, чтобы получить стипендию, пришлось пойти на обман: скрыть факт окончания курсов Герье (высшее образование для женщин). В предместье Праги под общежитие для студентов и профессоров была отведена часть огромного здания «Свободарна» (общежитие холостых). Там проживали около 200 студентов³⁷. Стипендиаты Чехословацкого правительства получили одежду, питание, деньги на карманные расходы. «Свободарна» считалась лучшим общежитием в Праге, куда чете Скворцовых удалось устроиться благодаря сохранению родственных связей: помог двоюродный брат С. Скворцовой Константин Уваров, женатый на дочери А. С. Ломшакова.

После Константинополя Прага представлялась раем: «Кормят чехи хорошо. Отношение хорошее.»³⁸ Слух о том, что правительство ЧСР дало убежище и оказывает материальную поддержку русским эмигрантам, распространился по Европе, и русская молодежь стала стекаться в Прагу в надежде получить стипендию для продолжения образования. Но такое счастье выпадало далеко не всем. Один из выпускников Шуменской гимназии в Болгарии в письме педагогу Нине Дмитриевне Ридигер сожалеет, что уехал из Софии и благословляет Болгарию, как «наиболее терпеливую в деле помощи русской учащейся молодежи». Он предостерегает ехать в Чехию, так как «стипендию получить очень трудно [...] Денег нет, и в прекрасной Чехии голодают так, как никто не голодал здесь в Болгарии [...] не имея еды (по 3 и более дней) и живя в нетопленной комнате, они лежат целыми днями в постели, чтобы не замерзнуть.»³⁹

Первоначально русские студенты пользовались полным содержанием Чешского правительства: плата за обучение в высшей школе, помещение в специальном общежитии, стол, одежда, лечение — все оплачивалось правительством. Особенно важно было предоставление бесплатного медицинского обслуживания, так как лишения предшествующих лет сказывались на здоровье студентов, прошедших Гражданскую войну. Федор Скворцов, муж Софьи Скворцовой, из-за полного истощения организма страдал общим фурункулезом и долго лечился в больнице при общежитии. В письме к А. С. Милюковой С. Скворцова отмечает, что «врачебная помощь поставлена хорошо» и «очень внимательное отношение врачей»⁴⁰.

³⁵ Елена Павловна СЕРАПИОНОВА, *Карел Крамарж и Россия. 1890—1937 годы*, Москва: Наука 2006, с. 425.

³⁶ И. П. САВИЦКИЙ, «Начало "Русской акции"», с. 159—160.

³⁷ Вадим Викторович РУДНЕВ, «Судьбы эмигрантской школы», *Русская школа за рубежом*, 1929, кн. 33, с. 276.

³⁸ Письмо Софьи Скворцовой А. С. Милюковой. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43-а, л. 10.

³⁹ Александр Петрович Дехтерев, «Дневник первого интерната. 1927—1928 гг.» Там же, ф. 5976, оп. 1, д. 24, л. 76.

⁴⁰ Письмо Софьи Скворцовой А. С. Милюковой. Там же, ф. 5856, оп. 2, д. 43-а, л. 12.

После константинопольского кошмара жизнь в рабочем общежитии, в отдельных кабинках, предназначенных для холостых рабочих, казалась вполне достойным существованием. «Внешняя обстановка нашей жизни приличная. Питание удовлетворительное», — сообщает она Милюковой и подробно описывает бытовые условия общежития: — «В коридоре до 30 кабинок. Каждая — величиною с железнодорожное купе, немного уже, умещаются кровать и табурет.» Студенты начали благоустраивать свой быт: в комнатах понаделали маленькие столики. «Перегородки кабин не доходят до пола, ни до потолка, так что все слышно из соседних кабин вплоть до шепота.»⁴¹ Общежитие строилось только для ночлега рабочих, поэтому никаких вещей рабочие при себе не должны были иметь. Для этого в коридоре имелись отдельные шкафы. В общежитии была общая ванная, газовая горелка, 2 электроутюга.

Жизнь постепенно налаживалась. И хотя супруги жили порознь, в отдельных кабинках, муж — в мужском коридоре, она — в женском, но была надежда на лучшее будущее. Оба напряженно учились, Софья — на курсах бухгалтерии и английского языка, затем, чтобы продлить получение стипендии, она продолжила образование на открывшемся юридическом факультете, где учился и ее муж. В мае 1923 г. С. Скворцова сообщает, что они совершенно не нуждаются. Тех денег, которые им дают (оба получали стипендии, она называет их стипендии Гирса), «хватает с излишком»⁴². А 31 октября 1923 г. она пишет тому же адресату: «Живем по-прежнему вполне хорошо»⁴³.

В 1927 г. оба супруга получили высшее образование, причем Федор помимо юридического факультета закончил еще и межевое отделение политехникума, так как получить работу юриста лицам, не имеющим чехословацкого гражданства, было практически невозможно. Около 80% выпускников не могли устроиться на чехословацком рынке труда⁴⁴. Русские не теряли надежды возвратиться на родину и не торопились обращаться с просьбой о предоставлении им гражданства Чехословакии. А с принятием закона об охране местного рынка труда (1928), который предписывал при приеме на работу отдавать предпочтение гражданам ЧСР, закончивших вузы русских на государственную службу не брали.

«Поступление в казенные учреждения», — пишет С. Скворцова А. С. Милюковой, — «совершается почти исключительно по политическим связям: монархисты устраиваются через народных демократов, социалисты — через легионеров, а демократы не завязали крупных связей с чешскими политическими партиями»⁴⁵. Возникли трудности и с устройством на работу в качестве землемера ее мужа, на которую возлагались большие надежды. Однако земельная реформа в Чехословакии находилась в стадии завершения, и все места были заняты получившими образование ранее. Пришлось вновь прибегнуть к родственным связям: Алексей Степанович Ломшаков помог найти работу землемера в Болгарии. Судьба этой супружеской пары в Болгарии сложилась вполне благополучно.

Русские эмигранты по достоинству оценили братское участие и щедрую помощь чешского народа, а к политическому руководству страны относились с уважением и благодарностью. Марина Цветаева, также получавшая стипендию Масарика, в письме Анне Тесковой скупыми словами без лишних сантиментов рассказывает об увиденной в кинематографе церемонии похорон Т. Г. Масарика: «Его строгий замок, его белую бедную комнату с железной кроватью — сопровождающие факелы — стражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами — плачущий народ... И его — в гробу. Орляное лицо.»⁴⁶ Эпитет «орляный» в устах Цветаевой означает высшую степень восхищения человеком.

Женские письма дополняют наши представления о значении Русской акции помощи не только для сохранения русской культуры в эмиграции, но и освещают ее роль в частной жизни отдельных представителей русских беженцев, без чего наше знание истории Русского зарубежья было бы неполным.

⁴¹ Там же, л. 35.

⁴² Там же, л. 26.

⁴³ Там же, л. 29.

⁴⁴ Иван ТОЛСТОЙ, «Заметки о русской Праге», *Новый журнал*, 2008, № 251, с. 183.

⁴⁵ Письмо С. Скворцовой к А. С. Милюковой. ГАРФ, ф. 5856, оп. 2, д. 43-а., л. 31.

⁴⁶ Марина ЦВЕТАЕВА, *Спасибо за долгую память любви... Письма к Анне Тесковой 1922—1939*, М.: Русский мир, 2009, с. 327.

■

РУССКАЯ АКЦИЯ ПОМОЩИ В ЖЕНСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В основе доклада — ранее не публиковавшиеся архивные документы. Это письма Н. В. Брусиловой (вдовы генерала А. А. Брусилова, до конца жизни получавшей стипендию Т. Г. Масарика в память о Брусиловском прорыве, ускорившем распад Австро-Венгрии и достижение Чехословакией суверенитета), Е. Карцевской (жены выдающегося лингвиста профессора С. И. Карцевского, одного из создателей Пражского лингвистического кружка), вдовы лидера кадетской партии В. Д. Набокова Е. А. Набоковой, которая после гибели мужа переехала в Прагу и до конца жизни получала стипендию Т. Г. Масарика, С. Скворцовой (племянницы А. С. Милюковой, муж которой учился в Карловом университете, получал стипендию Масарика). На основе писем можно судить о трудной эмигрантской повседневности и о значении благотворительной акции Чешского правительства для выживания русских беженцев.

RUSKÁ POMOCNÁ AKCE V DOPISECH ŽEN (NA ZÁKLADĚ DOKUMENTŮ ZE STATNÍHO ARCHIVU RUSKÉ FEDERACE)

■

Příspěvek se opírá o dosud nepublikované archivní dokumenty. Jde o dopisy N. V. Brusilovové (vdovy po generálu A. A. Brusilovovi, která až do své smrti pobírala důchod z fondu T. G. Masaryka na památku tzv. Brusilovovy ofenzivy, jež urychlila rozpad Rakouska-Uherska a tím i vznik samostatného Československa), Je. Karcevske (manželky vyznamného jazykovedce prof. S. I. Karcevskeho, jednoho ze zakladateľů Prazskeho lingvistického krouzku), Je. A. Nabokovové (vdovy po vyznamném představiteli strany kadetů V. D. Nabokovovi, která se po tragické smrti manzela přestěhovala do Prahy a až do smrti dostávala důchod z fondu T. G. Masaryka) a S. Skvorcovové (neteře A. S. Miljukovové, jejíž manžel studoval na Karlove univerzitě a dostával Masarykovo stipendium). Na základě této korespondence si lze udělat představu o tezkostech vsedního života emigrantů a o významu, jaký měla pomocná akce české vlády pro přežití ruských bezenců.